

РЕЦЕНЗИИ

В. Е. Головчинер

**ФОРМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРЕДИСЛОВИЯ
(РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ О. Г. ЛАЗАРЕСКУ «ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ:
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ПОЭТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XVIII–XIX ВЕКОВ» / МОСКОВСКИЙ ПЕД. ГОС. УН-Т, 2007. 380 С.)**

Актуальность монографии О. Г. Лазареску связана не только с сиюминутными потребностями литературоведения, но и с осмыслением фундаментальных проблем науки о литературе, выросших в своем значении, по особому осознаваемым в «большом времени» культуры именно в XX в. Литературное предисловие имеет давнюю традицию в истории литературы: авторы разных эпох использовали эту форму, более или менее осознанно в определенной ситуации, применительно к конкретному произведению. И только XX в. с огромным разнообразием его творческих практик (с разной степенью утверждения и отрицания важности предшествующего опыта, осознанной и неосознанной трансформацией его составляющих разными школами, группами, отдельными творческими личностями, с одновременностью и многонаправленностью поисков новых путей в искусстве), только XX в. накопил, подготовил материал для постановки глобальных проблем *автора* в его эстетической деятельности, диалогической природы художественного творчества. Над этими проблемами в 1920–30-е гг. интенсивно размышлял М. М. Бахтин; его работы, опубликованные в 1970-е гг., сообщили мощное движение мировой литературоведческой мысли, создали теоретическую базу многих современных трудов. В их русле выполнена и обсуждаемая работа.

Собственный и самостоятельный ракурс исследования О. Г. Лазареску обеспечен уже выбором материала. Особое значение и место литературного предисловия определяется в период формирования *литературы* – в начале письменной, точнее, книгопечатной эры существования художественного произведения. Нам предстоит осмыслить еще многое, прежде чем мы поймем масштаб изменений, системный сдвиг, происшедший в результате смены устной формы бытования текста в фольклоре – письменной, *буквенной* в *литературе*; связанной с этим изменением утраты ощутимо «активных», аудиально-визуальных, «театрализованных» способов воздействия своеобразного автора – создателя «своего» варианта фольклорного текста на коллективное воспринимающее сознание, потери возможностей взаимодействия этого специфического, с современной точки зрения,

автора с аудиторией. В ситуации уединенного чтения с листа *буквенного*, напечатанного текста его создатель в значительной мере обезличивается. Автору эпохи книгопечатания приходится искать, заново создавать возможности, способы проявления, усиления своего сложно и разнообразно проявляющегося *Я*, своих позиций (нравственно-этических, общественных, эстетических, и т. д.), а также форм активного воздействия на чувства и сознание читателя.

В этом контексте изучение литературного предисловия в формирующейся новоевропейской культуре как собственно авторского, непосредственно авторского компонента, приданного произведению, чрезвычайно важно и перспективно.

До сих пор предисловие изучалось, как правило, в объеме статьи, применительно к конкретному случаю, отдельному аспекту основного текста того или иного художника. Сравнительно недавно литературное предисловие начало осмысливаться как составная часть рамочного комплекса (по сути, речь идет о постановке проблемы). Значимость проделанной О. Г. Лазареску работы определяется беспрецедентным объемом и масштабом привлеченного для анализа материала – это литературное предисловие в истории русской литературы двух веков, Новой ее истории.

Заслуга автора монографии определяется тем, что этот обширный материал впервые стал предметом целостного изучения, впервые осмыслен и систематизирован на самых разных основаниях по принципу дополнительности (Н. Бор). О. Г. Лазареску исследовала литературное предисловие по составу, функциям, внутренней организации, по природе связей с основным текстом, по степени проявления декларативно-логического и художественного, комментирующего и «игрового» начал и т. д. Объем осмысленного эмпирического материала, анализ содержания и форм разных по своей природе литературных предисловий в синхронии и диахронии дали убедительные аргументы, сделали достоверными выводы о значимости этого компонента текста как фактора становления самосознания литературы, поиска новых ее выразительных возможностей, стали свидетельством активного использования этой формы в литературной

полемике, значительности его роли в процессах смены творческих принципов и художественных форм в литературном процессе.

Изложение материала четко структурировано, определено задачами изучения природы и функционирования такой специфической формы литературного мышления, как литературное предисловие, его места и значения в становлении русской литературы от начала XVIII к концу XIX в. Первая глава «Факторы и условия становления литературного предисловия как способа литературной организации текста» задает не только историко-литературные, но и теоретические параметры изучения явления. В этой главе О. Г. Лазареску описывает обнаруженные ей свойственные эпохам становления тенденции, проявляющиеся в творчестве разных авторов по принципу взаимодополнения в парных оппозициях. Она пишет о двух главных, справедливо понимаемых как равно важных и «сильных» тенденциях, – о стремлении литературного предисловия к эмансипации, к обособлению от основного текста и одновременно – о заботе авторов об упрочении содержательных, смысловых и формальных связей предисловий с произведением. О. Г. Лазареску исследует возможности использования в литературном предисловии «своего» и «чужого» (стилизованный) слова, находит примеры прямого, декларативного разъяснения принципов автора и стремление дать такое разъяснение в формах опосредованно-художественных, обнаруживает желание пробудить интерес читателя к картине мира, его должного устройства и к эстетическим проблемам, к новым принципам организации художественного текста. Эти тенденции рассматриваются в широком культурном контексте в связи с актуальной сегодня научной проблемой диалога автора и читателя, поиском писателями оснований, способов установления продуктивных контактов с воспринимающим сознанием.

Во второй главе «Формирование литературного предисловия в России в эпоху перехода от традиционных форм эстетического сознания к «новоевропейским» основным становится историко-литературный аспект осмысления литературного предисловия, но при этом сохраняется и теоретический в его историческом проявлении. Речь идет о литературном предисловии в ранней русской драме в первом параграфе и о соотношении отечественной практики в понимании литературного предисловия и нормативной эстетики Запада во втором параграфе. Этот же, уже апробированный путь исследования избран для демонстрации своеобразия отечественного литературного предисловия и в практике большой повествовательной формы – в романе XVIII в. в третьем параграфе: речь идет о соотношении этой практики с западноевропейской традицией.

В третьей главе мысль исследователя логично обращается к материалу XIX в. – исследуется литературное предисловие в практике и сознании переход-

ной эпохи от классицизма к романтизму, в практике индивидуально-авторских моделей: типов предисловия в творчестве таких художников, как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов. Эта логика, заданная реальностью литературного процесса, в анализе предметной области обретает особое смысловое наполнение – позволяет осознать приоритетные линии изменения авторских интенций от ранних образцов отечественной литературы до зрелых ее результатов, получивших мировое признание.

По этой части возникает теоретический вопрос, который может определить проблематику будущих исследований в заданном ракурсе: есть ли такие параметры в парадигме литературного предисловия, которые реагируют на изменения приоритетов литературной эпохи – отвечают запросам жанра, проблематике литературного направления (метода), становятся организующим фактором в индивидуально-творческих, авторских моделях произведений.

Не очень понятно, почему в отдельную, четвертую главу вынесено изложение материала о предисловиях-пародиях М. Е. Салтыкова-Щедрина – еще об одном авторском типе предисловия XIX в., ведь эта глава имеет примерно тот же объем, что и параграфы, посвященные названным выше авторам в третьей главе. Кроме того, подобным расположением М. Е. Салтыков-Щедрин оказался как бы вынесен за пределы XIX в.

Наблюдения о логике развития литературного предисловия на протяжении XIX в. в конце третьей главы завершились серьезными обобщениями и выводами, но без учета сделанного автором «Истории одного города». И с другой стороны, четвертая глава о нем не получила обобщающего завершения: все уже было сказано в конце третьей главы, повторяться не имело смысла. Это частный, но странный момент в изложении материала, который, впрочем, не влияет на значимость проделанной работы в целом.

О. Г. Лазареску убедительно представляет предисловие как достойный самого серьезного исследовательского внимания компонент произведения. Она будит мысль, будит желание включиться в диалог в связи с ним. Размышляя в заданном монографией направлении, можно полагать, что в многофункциональности литературного предисловия сохраняется *память* (в бахтинском понимании) о синкретизме ранних эпох становления культуры, более того, с течением исторического времени эта память становится все более осязаемой в разнообразии авторских моделей предисловия и все более восстанавливается, подчиняя задачи прямого, логического разъяснения, интерпретации самого произведения (тенденция, идущая издревле) или изложения задач литературы на определенном этапе ее развития, опосредованным выражением сферы авторского менталитета в самом широком его проявлении – усилением художественности, стремлением к

установлению неформального контакта автора с читателем, в том числе и посредством широкого привлечения возможностей комического.

В этой логике интересно проявляется выявленная диссертантом тенденция экспансии материала, выступающего на ранних этапах становления новоевропейской литературы компактно, в форме собственно предисловия – предваряющего произведение слова. Но уже в произведениях классиков отечественной литературы от 1820-х к 1890-м нарастает тенденция выхода материала, выступающего в функциях предисловия, за его пределы, прорастания его в более или менее отчетливо выделенных фрагментах по всему тексту (от «Евгения Онегина», «Героя нашего времени» и далее). Это с одной стороны, а с другой – предисловие перестает быть обязательной, необходимой формой для иных авторов, они реализуются в становящейся все более сложной, подчас изощренно своеобразной художественной организации текста.

Предполагаю, что в процессе знакомства с монографией может возникнуть вопрос по поводу включения произведений А. П. Чехова, подчеркнута «беспредисловных», в качестве предмета исследования. И у меня такой вопрос намечался. Но после некоторых размышлений я приняла логику О. Г. Лазареску: в историческом развитии литературы художник все настойчивей искал возможностей полноты самовыражения в емком художественном слове, в организации самого текста, и проза и драматургия Чехова – тому яркий пример. Поэтому, еще раз возвращаясь к расположению материала конца третьей и четвертой глав, можно говорить об «упущенной возможности» завершить исследование проблемы литературного предисловия XIX в. именно чеховским творчеством, в котором предисловие, задавая перспективу XX в., совершенно справедливо рассматривается диссертантом как минус-прием.

Решение задач «самоанализа», рефлексии литературы выдвинулось в начале XX в., преимущественно

в специальные статьи (например, А. Белого, А. Блока, Вяч. Иванова и др.), в групповые декларации и манифесты, а также в другие, помимо предисловия, компоненты рамочного комплекса. Это не отменяет необходимости использования формы предисловия названными и другими художниками (см. «Предисловие» к поэме «Возмездие» А. Блока, например) и необходимости его изучения в соотношении с другими разнообразными возможностями проявления авторской активности.

В качестве пожелания автору монографии можно было бы высказать предложение вернуться к определению *стационарное предисловие*. Слово *стационар* соотносится с постоянным (стоящим, неподвижным) местом чего-либо в пространстве, в то время как в диссертации речь идет о предисловии, в разное время и в разных обстоятельствах появляющимся и снимаемым, с текстом, которым произведение сопровождается во всех публикациях, в отличие от предисловия к отдельным изданиям. При этом выделение и разделение подобных типов предисловий представляется продуктивным и перспективным. Так, было бы интересно познакомиться с размышлениями О. Г. Лазареску о предисловиях-набросках к «Борису Годунову» не только в контексте сопоставления позиций реалиста Пушкина с романтиком Гюго (Предисловии к «Кромвелю»), что само по себе необходимо и интересно, но в логике той линии развития предисловия, которая устремлена от Пушкина, в конечном счете отказавшегося в случае «Бориса Годунова» от предисловия, к Чехову, принципиально этой формы избегающему.

Последние размышления имеют частный характер и не влияют на оценку частных и общих результатов исследования, не отменяют достоверности и новизны основных наблюдений, четко сформулированных выводов, имеющих значение для понимания феномена литературного предисловия в аспектах исторической поэтики.

Головчинер В. Е., доктор филологических наук, профессор.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, г. Томск, Россия, 634061.

V. E. Golovchiner

FORMS AND ABILITIES OF FUNCTIONAL BY LITERARY INTRODUCTION.

REVIEW FOR THE MONOGRAPH BY O.G. LAZARESKU «LITERARY INTRODUCTION: THE QUESTIONS OF THE HISTORY AND POETICS (BASED ON THE RUSSIAN LITERATURE OF XVIII–XIX CENTURIES)».
MOSCOW PEDAGOGICAL UNIVERSITY, 2008 // 380 P.

Golovchiner V. E.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.